

Игорь Губерман Седьмой дневник

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=637225
Седьмой дневник: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-49383-8*

Аннотация

Книга потрясающе остроумного Игоря Губермана посвящена друзьям, «которые уже давно его не читают». Полные иронии и самоиронии гарики и короткие рассказы затрагивают тему не только дружбы, но – любви, предательства, борьбы за справедливость и, конечно же, – тему путешествий.

Губерман даже о скучном может рассказать с таким задором и азартом, что скуку как рукой снимет!

«Седьмой дневник» – мудрая и веселая книга о том, что близко каждому из нас!

Содержание

Глава начальная	4
Глава славословия	14
Сентиментальное путешествие	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Игорь Губерман

Седьмой дневник

Друзьям, которые давно уже меня не читают

Глава начальная

Два с лишним года я не брался за дневник. А собирался много раз, но вспоминал, как Пушкин заявил категорически, что проза требует мыслей, и бессильно опускались мои руки. Но теперь я вдруг решился и отважился. «В нашем преклонном возрасте надо писать что-нибудь мудрое», – наставительно сказал мне сегодня утром внутренний голос. Но другой, не менее внутренний, резонно возразил: «На склоне лет выёбываться крайне глупо». Я согласился со вторым, хотя подумал мельком, что и первому при случае потрафлю.

Я начинаю эту книгу через два дня после большой семейной пьянки. Мы каждый год, созвав друзей, отмечаем тринадцатое августа, которое на этот раз было юбилейным: тридцать лет как посадили, двадцать пять как выпустили. И двадцать лет на сцене, торжественно добавил я, скостив год ради полноты юбилея. Как тут коллективно не напиться! И конечно же, предаться воспоминаниям. А я подумал, что тогда, в ошеломительную первую ночь в тюрьме, я вряд ли мог вообразить, что тридцать лет спустя буду сидеть в Иерусалиме и похмельно привирать про жизнь в узилище. И что начну новую книгу с некой роскошной фразы, которую придумал для запева. Вот она, простая и немыслимая для того далёкого уже тёмного времени:

Во все предыдущие приезды Париж был солнечным и тёплым.

А на этот раз шёл дождь и не стихал холодный ветер. Из-за этого на кладбище Монпарнас, куда давным-давно я собирался, пробыли мы очень недолго. Впрочем, интерес мой был вполне определённый: мне давно очень хотелось покурить возле могилы Гейне. И мечта сполна осуществилась. Омрачившись, как и всякая мечта от исполнения, убожеством памятника: аккуратный мраморный бюст усердного приличного чиновника. Если бы Генрих Гейне был бухгалтером в банке своего дяди, именно такой памятник он бы и заслужил.

Мы с женой Татой жили у нашей приятельницы на высоком этаже, где из кухонного окна было видно много мокрых черепичных крыш, а главное – почти что вся Эйфелева башня. Вечером она снизу доверху освещалась множеством огней, которые попеременно гасли и загорались. Это было похоже на гигантскую новогоднюю ёлку, заболевшую пляской святого Витта – башня как будто дёргалась в немых судорогах света. Пить кальвадос и видеть эту пляску сквозь потоки с неба было полным и самодостаточным счастьем. Днём можно было смотреть на крыши и читать путеводитель по Парижу, под кальвадос это дивное занятие. Мы, собственно, приехали на выступление, которое давно тут было у меня назначено, но идиотский предрассудок, что турист должен метаться по городу, не давал нам полного покоя. Мы сходили в знаменитое кафе «Чёрный кот», битком набитое такими же заезжими фраерами, сидевшими тут в надежде, что на третьей кружке пива явится им тень Тулуз-Лотрека и других великих завсегдатаев этой некогда дешёвой забегаловки (а ныне цены дикие, поскольку выставлено несколько рисунков посетителей того прославленного времени – их плата за выпитый кофе, очевидно, или за рюмку коньяка). И больше не было у нас, насколько помню, встреч с прекрасным. Если не считать за таковую длительный обед со вполне симпатичным беглым российским миллионером. Он тут скрывается от каких-то злобных поделльников, но спокойно ходит в рестораны. Кстати, мы заказали виски довольно хорошей марки, и принесли нам пузатые бокалы какого-то невыразительного пойла: судя

по вкусу – слитых вместе остатков из разных бутылок. Я промолчал, поскольку деликатен и тактичен, а миллионер, похоже, просто не заметил. «Всюду надувают бедных россиян», – подумал я меланхолично.

Один приятель мой попался на крючок (они раскиданы повсюду для туристов), донельзя простой и примитивный: обед в крошечной темноте. В фойе этого ресторана к ним вышла невысокая старуха, знаками велела им положить руки на плечо друг друга (они явились вчетвером) и такой цепочкой повела их в зал, легко ориентируясь в действительно полной темноте. Меню там не было, всё предлагалось устно и вполголоса. От супа они отказались, боясь облить одежду, принесли им по кусочку рыбы с неопределимым по вкусу гарниром и ломоть кекса с жидким кофе. Звучала тихая музыка, но главное – сливался воедино гомон многих негромких голосов, то есть ресторан был полон клонувших на эту чушь туристов, а убогая еда стоила очень дорого.

И на кладбище Пер-Лашез мы тоже побывали. Там надо бы дня два бродить, как минимум, но дождь хлестал, и ветер дул свирепо, и кальвадос удивительной выделки (приятель наш за ним мотается куда-то аж в Нормандию) никак не помогал. Ища укрытия, мы постояли у стены, где рядом – урны с прахом Айседоры Дункан и батьки Махно, о странностях посмертного соседства книги надо бы писать – и обречённо вышли на открытое пространство. А спутник наш (чей был кальвадос) – знаток этого кладбища, но мы богатством его знаний насладились мало. Очень было грустно и неловко у могилы Саши Гинзбурга: огромный православный крест серого камня, ведро из берёзовых чурок с ёлочной веткой и двумя новогодними игрушками – какое всё это имеет отношение к безумного мужества еврею, основателю российского Самиздата, многолетнему неисправимому лагернику? Мы, соблюдая древнюю традицию, положили ему камушки, подобранные тут же, и стоять мне дольше не хотелось, очень уж я помнил истинного Сашу.

Хлебнув из фляжки, мы отошли душой у памятника Оскару Уайльду. Огромный куб, а в вырезе его – большой летящий ангел, а у ангела – хуёк, который посетители кладбища непрерывно отбивают – на память. Администрация даже табличку там повесила: пожалуйста, не надо портить художественный образ. Но туристы эту вежливую просьбу не читают, хуёк отбивают и отламывают, как и прежде, только успевай приделывать несчастный отропок. А на самом кубе – сотни надписей на десятке языков, и голову даю на отсечение – любовного характера. Не знают, очевидно, о превратной сексуальной ориентации великого покойника. А двое россиян – уж те не знали точно, ибо трогательно написали: «Оля + Митя». После мы положили наши иудейские камешки на могилу Модильяни, мельком глянули на бронзового Балзака и оказались у огромной стелы, где я застрял и долго отойти не мог. Здесь покоился Огюст Маке, мой коллега некоторым образом, поскольку был литературным негром и писал романы, оставаясь безымянным и безвестным. Названия написанных им книг были (по его предсмертной просьбе) выбиты на мраморе: «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетёра», «Королева Марго» и несколько других, столь же известных. Да-да, он был литературным негром самого Александра Дюма. Несомненно, что по написанным им текстам великий Дюма проходил рукою мастера, но в исторических источниках копался, безусловно, негр. А что касается сюжетов, композиций и героев – дело тёмное, но соучастие Маке было весьма значительно. Дюма постоянно недоплачивал бедняге гонорар, всё время торопил (романы ведь сперва печатались в газете, и Маке не мог остановиться и промедлить), уклончиво отвергал все просьбы о соавторстве, но негр его боготворил и много-много лет терпел, надеялся и сочинял. О, как я помнил это ощущение, когда выходит твоя книга, только ты уже к ней не имеешь никакого отношения! А тут великие произведения творились. Но кто теперь хотя бы слышал об Огюсте Маке?

Дождь припустил с такой кошмарной силой, что мы почти бежали, спасаясь в забега-ловку у входа на Пер-Лашез. Бутерброды с сыром и ветчиной подавались там в горячем виде,

а кальвадос с пивом очень сочетались. Мы сюда ещё не раз приедем, утешал я самого себя, поскольку Тата кладбища не любит и просто совершала подвиг соучастия, как и положено жене.

Я начал с этой мало выдающейся поездки ради нагло своей фразы о Париже, ибо тридцать лет назад она бы меня очень рассмешила, но гораздо больше что-нибудь приятное (и, разумеется, хвастливое) годилось бы в зачин воспоминаний. Например, в Казани некий судья издал Уголовный кодекс Российской Федерации с комментариями из моих стихов. Этот судья (Ризван Рахимович Юсупов его зовут, я с ним и водку пил, но как-то слабо благодарность выразил) подобрал прекрасных авторов: открывался Кодекс стихотворением Высоцкого, и я оказался в соседстве с Пушкиным, Тургеневым, Грибоедовым, Хайямом, Иртеньевым, однако же моих стихов там было сотни полторы, и я на полку своих книг поставил этот Уголовный кодекс. Вот если бы его по камерам раздать в бесчисленных российских тюрьмах – многим бы он скрасил заключение, мечтательно подумал я. Роскошный переплёт под кожу (или кожа?) и отличная бумага – истинное произведение постмодернизма создал этот казанский судья, дай Бог ему несокрушимого здоровья и пожизненной удачи. Где он столько денег взял на это уникальное издание? Возможно, скинулись друзья? Откуда бы они ни взялись, он потратил их с великим толком.

И на меня недавно денежки свалились. Не такие уж большие, но весьма приятного и даже поучительного происхождения. Мы с моим другом Сашей Окунем десять лет проработали на радио. Платили нам позорные копейки, но уж больно было интересно. В Израиль ведь приехало огромное количество людей, которым было что рассказать о своей прошлой жизни, да и у нас бурлили всякие идеи и истории, так что передача получалась. Называлась она «Восемь с половиной», и не столько в честь Феллини, как по времени, когда ее запускали. Слушали нас и в России, и на Украине, и в Германии с Италией, даже в Финляндии – мы это знали и по письмам, и по звонкам, ибо довольно часто работали с открытым эфиром. Я до сих пор (немало лет прошло) на выступлениях записки получаю с вопросом, куда делась наша передача. Кстати, мы столько там насочиняли, что довольно многое потом использовали с Сашей в наших книгах. И фанаты-слушатели у нас были, в одном городе склотились даже компания, где очередной дежурный всю передачу записывал, чтобы потом послушали те, кто был занят в ту пятницу, что шла программа. Это всё я так перечисляю не из хвастовства, увы, мне присущего, а по делу, ибо для дальнейшего вся эта похвальба будет весьма полезна. Просьбы, чтобы нам платили так же, как другим сотрудникам радио, начальству мы исправно излагали и исправно получали обещания, что уже вот-вот и непременно. А плюнуть и уйти никак решиться не могли, уж очень это было интересно.

Прогнали нас, уволили без никакого мелкого спасибо в одну минуту – в тот же день, как мы по телевидению пробную программу показали. Какой-то нам неведомый, но премудрый начальник некогда и навсегда постановил, что радио (государственное) и телевидение (частное) в Израиле – злейшие конкуренты, и тот, кто работает на радио, к примеру, и нос показать с экрана не имеет права. Мы об этом знали, но всегда надеешься на здравый смысл, а не начертанную кем-то глупость. Так мы оказались на свободе, и на радио с тех пор я – ни ногой, хотя порой очень неудобно отказывать хорошим людям в интервью или каком-нибудь участии в совместной разговорнице.

История свалившихся на меня с неба денег только тут и начинается. Умелые и знающие люди прожужжали мне всю голову, что я должен подать в суд, и радио заплатит сей же миг за многолетний свой финансовый разбой. Но лень моя и наплеватьство (да плюс глубинное и нутряное недоверие к умелым и знающим) держали на коротком поводке мою любовь к деньгам и справедливости. Но тут и Сашку кто-то убедил, и я привычно вслед за ним поплёлся к адвокату (а уже лет семь прошло, но, видит Бог, у нас достаточно других занятий было). Тяжба Саши прогорела сразу, потому что он не сохранял квитанций о своей зарплате

(а на радио никто бы копий нам не дал, такое это свирепое учреждение). А все мои квитанции жена моя Тата зачем-то складывала в ящик, и весь он был забит подобными бумагами.

Но тут необходимо отступление, поскольку я-то знаю о корнях этой загадочной предусмотрительности у своей любимой жены. Много лет назад, когда в Сибири жили мы на ссыльных правах, надумал я соорудить летнюю кухню и баню (а после, кстати, и сортир – во вкус вошёл). И доски я для этой цели – частью купил, а часть украли мне приятели со стройки. На законно купленные доски дали мне какую-то убогую квитанцию, куда-то я её закинул и забыл. Но не дремали бдительные люди. И как только закончил я своё великое строительство, приехали два милицевских ревизора. Так быстро (ну почти немедленно), что явно за строительством моим, подобно кошке у норы мышинной, наблюдали. Где я, старый уголовник, только что из лагеря, брал стройматериалы? Я что-то жалкое им лепетал, сообщая с ужасом, что светит мне наверняка по меньшей мере возвращение на зону. Но уже из дома нашего царственной походкой выходила Тата с той помятой и ничтожной квитанцией. После утверждала она много лет, что сохраняла эту жалкую бумажку, предвидя именно такой поворот событий, просто мне, заведомому раздолбаю, это даже говорить не собиралась. А оба ревизора милицевских так уже настроились на своё пакостное торжество, что от бумаги этой прямо на глазах скукожились и начисто увяли. Кто-то явно им заказывал такое торжество, и вот они его, бедняги, подвели. Они даже не удосужились сравнить количество законно купленной древесины – с тем, что вбухал я в кухню и в баню. Ибо самая идея провалилась. И теперь торжествовала Тата. И уже почти тридцать лет об этом случае мне мельком, но неукоснительно напоминает. Думаю, что с той поры и появилась у неё замашка не выкидывать, казалось бы, ненужные и отслужившие своё бумаги.

Итак, у Саши его тяжба провалилась, только он по-прежнему ходил со мной к адвокату, ибо на иврите я без переводчика не мог, и адвокат, махнувший на меня рукой, с одним лишь Сашей беседовал. Я неотлучно находился рядом и старался не утратить на лице выражение преданности и готовности.

И накопал этот молодой адвокат удивительные факты. Десять лет из месяца в месяц мне платили одну треть того, что я должен был законно получать. Мне даже страшно стало, что отвалится мне сразу так много, но адвокат меня немедля успокоил. Срок давности почти стирал это возмещение чиновного хамства, надо было вовремя искать справедливость, теперь же – только за два года получу я (вероятно, ибо суд рассудит) зажиленные у меня денежки. «Ленивый легкомысленный мудака», – подумал я (по-русски я подумал, потому и не озвучил эту мысль).

И был назначен суд. И снова я сидел, преданно глядя уже на женщину-судью, но Саша безотлучно находился рядом, и поэтому я спокойно наблюдал яростные прения двух адвокатов – нашего и с радио. Наш явно не тянул. Говорил он коротко, порой запинаясь, что-то выискивал в папке, а тот, что с радио, был пламенно красноречив, самоуверен и напорист. Ну пусть не получу я этих денег, думал я, не очень-то хотелось, проживём, как жили, только обидно, суд ведь не советский, из райкома партии никто тут не нажмёт на правосудие, и всё ведь так понятно и прозрачно в этом случае.

На самом деле всё не так было прозрачно. И теперь пора мне рассказать, как я в несчётный раз мог убедиться в том, что люди изменяются непредсказуемо в той ситуации, где надо выбирать. Нужны ведь были показания свидетелей. И запросили таковые с радиона начальников. А есть один такой, руководящий всем вещанием на разных иностранных языках – естественно, и русском в том числе. Зовут его Шмулик, а фамилию называть не стану, потому что и от имени его меня уже воротит. Всегда приветливо-угодливый, ко мне и Саше относился он с пылким расположением. Нашу передачу называл он в разговорах гордостью, визитной карточкой и фирменной маркой русского вещания, а комплименты прочие не стоит даже приводить. Но тут спросили его письменное мнение, и тяжесть выбора легла на трепетную душу

Шмулика: писать по-честному или защищать честь радиомундира, запачканного о многолетнее финансовое хамство. И Шмулик (замечательно уютная должность его обязывала) предпочёл запачкать радиомундир враньём, но отстоять его финансовую честность. Он написал, что мне платили даже слишком много, потому что вообще я не был автором всех этих передач, я просто изредка бывал на студии в качестве гостя, принимавшего посильное и малое участие в программе. Да и передача-то была весьма средняя, написал Шмулик, вдохновясь и разогнавшись, так себе была передача, ничуть не лучше прочих. Он даже не поленился и добыл откуда-то те числа, когда я отсутствовал в стране, отъехав на гастроли, но забыл сообразить, что передачи-то с моим участием исправно в это время шли, мы их готовили заранее. Ну, словом, лень перечислять те мерзости, которые наворотил услужливый чиновник Шмулик, творя своё благоразумное предательство. Интересно только, что как раз в это время он где-то встретил Сашку и любовно сообщил ему, что из суда к нему пришёл запрос, и он прекрасно отозвался в нашу пользу.

Я читал неоднократно, что люди, имеющие совесть, но вынужденные совершить какую-нибудь пакость, жутко мучаются от этого, и мне ужасно жалко бедного начальника Шмулика. Мы с ним как-то свиделись потом на одном литературном сборище, он ряда на три впереди меня сидел. Он покосился на меня несколько раз, а после глянул я – его уже и след простыл. Такой вот мужественный совестливый человек.

На радио, по счастью, работали и другие люди, и двое из них написали всё как было. И на невозмутимую судьбу фонтаны адвоката с радио никак не повлияли. Словом, получил я эти свои денежки и тут же (вот ведь человеческая алчность) принялся жалеть, что проворонил остальные.

Тут я погладил нежно Уголовный кодекс упомянутый – и словно душу отряхнул, чтоб рассказать теперь о подлинно прекрасном человеке. Его на свете нет с недавних пор, мне и сейчас диковинно о нём писать в прошедшем времени. Он умер, где и жил, в Лос-Анджелесе, помнить его будут немногие, хотя Сай Фрумкин был один из тех, кому мы все (те, кто рассеялся по белу свету, вырвавшись из бывшего Союза) обязаны своей свободой. И преувеличения тут нет. Но я сперва – о личных качествах ушедшего.

Мне в долгой моей жизни повстречались, слава Богу, люди очень умные и люди, знающие очень много. И люди неумеренного любопытства к миру. И люди светлого доброжелательства к окружающим – далёким и близким. И люди с безукоризненным нравственным чувством. И люди, следующие голосу своего ума и сердца, невзирая ни на какие обстоятельства. И люди с необыкновенной терпимостью к чужому мнению. Но чтобы всё перечисленное совместилось в одном человеке – мне такое встретилось единожды. И поэтому к Саю Фрумкину (хотя мы подружились почти сразу) относился я всегда с лёгкой опаской: меня его цельность и качественность побуждали быть настороже и воздерживаться от крайних суждений, свойственных мне – за рюмкой в особенности. А выпивка была у Сая Фрумкина – разнообразная и изобильная. Но тут не обойтись без нескольких подробностей судьбы.

Он родился в Каунасе – кажется, в тридцатом году. Благополучная интеллигентная семья. Советское вторжение их, по счастью, не задело, но потом пришли немцы. После гетто Сай с отцом оказались в Дахау. Точней – в одном из его филиалов, где тысячи привезенных рабов строили подземный аэродром. Отец не дожил до освобождения, а четырнадцатилетний Сай уцелел. Потом он приходил в себя в Италии, в конце концов оказался в Америке. Закончив университет в Лос-Анджелесе, стал историком. Но занялся текстильным бизнесом, женился на американке, и всё бы в его жизни покатилося, как у миллионов его благополучно процветающих сограждан.

Но в конце шестидесятых он забрёл на лекцию, которая мгновенно изменила его жизнь. Он услышал, что в Советском Союзе живут сотни тысяч евреев, мечтающих эту империю покинуть и не получающих на это разрешение.

С этого дня появился совершенно иной Сай Фрумкин, а единомышленники у него нашлись очень быстро. Пошли пикеты у советского посольства, демонстрации, запросы в Конгресс, бесчисленные листовки и статьи в газетах – к ужасу тихой добронравной жены, Сай отдался этой борьбе со всем пылом своей цельной личности. Над ними смеялись, им угрожали, их не слышали. Но чем эта борьба закончилась, прекрасно знают (только помнить не хотят) все те, кто получил в конце концов возможность выехать.

Нет, я, пожалуй, клеветшу. Лет пять назад я выступал в Лос-Анджелесе, и меня с коллегой пригласили после концерта в ресторан. Я сказал, что со мной трое друзей (а двое из них были Сай с женой), и их немедленно позвали тоже. Поднялась устроительница всего этого застолья, я приготовился к обычному для таких случаев тосту за приезжих гастролёров и скромно потупился, но молодая женщина сказала:

– За столом у нас сидит человек, которому мы все бесконечно обязаны тем, что мы здесь, а многие – и тем, что процветают. Спасибо вам, дорогой Сай, и дай вам Бог здоровья!

И все дружно потянулись к Саю с рюмками. Как я был счастлив, это видя!

Обустройством множества приезжих Сай занимался долгие годы с тем же пылом и воодушевлением, как и борьбой за их приезд.

А кроме этого, он четверть века писал каждую неделю маленькую статью в газету «Панорама», и каждая его статья – то первое, что начинал я читать, взяв свежий номер. Ибо почти всегда его текст был самым интересным из того, что находилось в этой большой и содержательной газете. Более того: не склонный собирать какие-либо вырезки, я уже много лет храню собрание этих заметок, штук пять толстенных папок накопил. О чём же он писал? Тут я ответить затрудняюсь. Потому что разных тем – неисчислимо количество, а Сай Фрумкин всю жизнь сохранял детское любопытство к миру. И писал он о событиях то прошлого, то настоящего, но непременно лишь о том, что начисто и наглухо опутывалось ложью в большинстве газет и многих книгах. Тут ведь важен голос, интонация, подход. А это был спокойный чистый голос того наивного мальчика из сказки Андерсена о новом платье короля. Тот мальчик повзрослел и был незаурядно образован. А наивность – сохранилась, несмотря на трезвый разум и осведомлённость обо всём, что в мире происходит. Такое сочетание оказалось удивительным инструментом видения нашей современной жизни. На статьи Умберто Эко походило это более всего, но много шире по размаху интересов. Не успел издать он книгу этих заметок – может быть, ещё появится она. И негромкий голос разума и чести непременно привлечёт читателей повсюду в мире.

Я пока прощаюсь с тобой, Сай. Есть у меня слепая убеждённость, что в том существовании мы непременно встретим тех, кого любили.

А теперь пора мне снова вспомнить что-нибудь, что радовало меня за эти два-три года, прошедших со времени последней книжки-дневника. Прежде всего – записка, которую мне на сцену кинули в Днепропетровске (или в Донецке? – уж не помню точно, к сожалению):

«Игорь Миронович, можно ли с Вами хотя бы выпить, а то я замужем?»

А в Кисловодске мне пришла записка от солидного юриста, держателя собственного адвокатского кабинета, он на своей визитной карточке прислал мне письменный привет:

«Спасибо Вам за то количество неглупых девушек, которые одарили меня своей благосклонностью, когда я выдавал им Ваши «гарики» за собственное творчество». «Вот сукин сын», – подумал я с симпатией и завистью.

О другом таком же удачнике известила меня записка незнакомой молодой женщины. Она писала, что с трудом меня узнала, но в жизни не забудет тот полёт из Калининграда в Ганновер, когда больше часа я вполголоса читал ей свои стихи. Если учесть, что я ни разу в жизни не был в Калининграде, то легко понять, что и в Ганновер я никак не мог лететь оттуда. В конце записки содержалось приглашение продлить сей пир поэзии в домашней обстановке – был, очевидно, очень обаятелен тот мелкий проходимец.

Забавно, что записки порождают порой одна другую. В городе Харькове (кажется) я получил такое сообщение:

«Игорь Миронович, вот Вы вначале говорили, что евреев сильно поуменьшилось в России и на Украине, это правда. Я весь антракт проторчал в мужском туалете: евреев очень мало!»

Записка показалась мне потешной, и поэтому я в Питере прочёл её со сцены. Зал тоже одобрил её смехом. После перерыва получил я продолжение:

«А я весь антракт проторчала в женском туалете: евреев нет совсем!»

Нет, никак нельзя мне отвлекаться на записки, потому что их такое уже собрано количество, что книгу надо бы писать. А мне охота рассказать, как я однажды испытал большое наслаждение, сделав заодно глубокие, вполне психологические выводы.

Благодаря мизерности своих претензий к уровню существования я часто извлекаю удовольствие из вовсе немудрящих радостей земного бытия. Не зря я так высокопарно написал – готовлюсь развести на пустяке большую философию.

Несколько лет назад (мы тогда с Сашей Окунем и жёнами нашими ездили по Европе, сопровождая экскурсии и щедро выбалтывая свои нехитрые познания) что-то не сложилось в пассажирском списке очередного самолёта, и Сашку с его женой Верочкой попросили лететь в бизнес-классе. Как-то раньше нам не доводилось окунаться в эту роскошь, стоившую много дороже привычного экономкласса (и слово «эконом» здесь очень к месту). Сашка наслаждался и блаженствовал (от пуза выпивки да плюс шампанское), но перед самым приземлением произнёс загадочную фразу, в которой было нечто большее, чем просто шутка. Верочка, святая добрая душа, сказала о последней шоколадке, которую им принесла стюардесса, что она оставит её для Таты. А Сашка ей в ответ сказал: «Неужели ты собираешься ещё общаться с этими людьми?» Мы посмеялись, когда Верочка нам это рассказала, только что-то было в этой шутке, и она запала в мою память. А спустя лет пять один малоознакомый импресарио позвал меня проехаться по нескольким южным городам и, спутав меня, кажется, с Кобзоном или Пугачёвой, прислал мне билет в бизнес-класс. Я и посадки ожидал в отдельном зале для весьма важных персон, и привезли нас к самолёту (шестеро всего нас было) в отдельном микроавтобусе, а прочего летящего населения я даже и не видел. А ведь самолёт – гораздо более демократический транспорт, чем, например, поезд, где пассажиры всё-таки разделены стенками их купе, в салон самолёта вливается единая густая толпа. А тут нас было шестеро, и мы не замечали друг друга. И сразу же явилась выпивка в большом ассортименте. Я перечислять не буду, только виски одного там было три различные марки. И, конечно же, я ждал еду. Ведь в самолёте это вообще большое развлечение и радость, тут наверняка особенное что-то надо ждать, и Сашка говорил об этом тоже. Самое вкусное, опасливо подумал я, нам достаётся, когда многое уже мы вряд ли можем разжевать.

Но я ошибся. На подносе, который принесла источающая симпатию (ко мне лично, разумеется) стюардесса, прежде всего привлекала внимание упаковка с белой и красной рыбой, а лимон с петрушкой тонко оттеняли цвет и сочность. Далее лежала упаковка из трёх разных сыров. Один из них был, вероятно, деликатесным, ибо пах, как носки студента. А ещё была натёртая морковь, обёрнутая в ломоть баклажана, и великолепно изготовленная рыба с жареной картошкой. К ней (а может, и не к ней) был кетчуп под названием «Нежный» – он оправдывал своё название. Апельсин, виноград, киви. Виски мне подливали каждые минуты три. Юная стюардесса любила нас изо всех сил. Она улыбалась, строила глазки, грациозно изгибалась, спрашивая о чае или кофе. Две большие шоколадные конфеты я заначил сразу – под вечерний глоток выпивки в гостинице (когда-то был я сластолюбец, но, состарясь, превратился в сладкоежку). Нет, я ничуть не жадничал и не напрягался, но почти уверен, что выпил виски на полную стоимость билета от Москвы до Тулы в общем вагоне.

В естественное впаив блаженство, вдруг я ощутил, почувствовал – не нахожу глагола, чтоб точнее передать, – что населения салона позади меня не существует в моём сознании, их рядовая жизнь течёт поодаль, совершенно непричастная к моей. Я даже протрезвел немного, начиная понимать подоплёку той Сашкиной шутки. Я подумал, что именно такова основа психологии сегодняшних хозяев российской жизни. Ведь им должно быть свойственно глубокое чувство своей отдельности, нет – отделённости от слитной и неразличимой массы, именуемой населением. И тягостно им вынужденное редкое общение, у них своё пространство жизни, а отсюда – многие поступки и решения проблем. Как бы где-то я об этом и читал, но тут мне эта истина явилась непреложно в виде собственного явственного ощущения. И я так обалдел от этого, что отрезвление своё немедленно залил.

И выходили мы отдельно, я толпу своих попутчиков увидел уже только возле движущейся ленты с чемоданами. Докучливо и странно было мне стоять в этой обыденной толпе.

А кстати, тоже в самолёте, как-то был я озарён открытием, забавным для петушьего мужского самоощущения. Мы с женой летели не куда-нибудь, а на остров Мадейра, родину известного вина. Там был назначен семинар (не помню, как точнее назывался этот хурул-тай) преуспевающих российских энергетиков, и я был приглашён им почитать свои стишки. Труба, снабжающая деньгами Россию, уделила и мне несколько нефтяных брызг. И я с вульгарным удовольствием летел на этот остров, куда в жизни не попал бы просто так. А в самолёте стюардесса, изящно к нам склонившись, спросила у моей жены, что та предпочитает на обед. По-моему, был выбор между курицей и рыбой, это не суть важно. Тата ей ответила, и стюардесса с тем же вопросом обратилась ко мне. Я это описываю так подробно, потому что тут нужна как бы замедленная съёмка: я вдруг обнаружил, что плавно поворачиваюсь к Тате, собираясь спросить её, что хочу я. И в оторопь придя от машинальной этой слабости, я кое-как пробормотал, чего бы съел. У стюардессы ничего в глазах не промелькнуло – неужели привыкла к этому явлению мужской самостоятельности в семьях? Я потом весь эпизод рассказывал в застольях, и друзья, женатые и сами лет по сорок, хоть и ухмылялись снисходительно, однако явно вспоминали что-то сокровенное и мигом укорачивали разговор на эту выразительную тему.

А на Мадейре, кстати, было очень хорошо. На маленьких разливочных заводиках вино дают сперва попробовать – стаканчик небольшой, но видов и сортов довольно много, так что время протекало интересно и достойно. Тут, конечно, автор поприличней непременно сообщил бы, что Мадейра – остров вулканического происхождения и есть на нём места, где холмы и наплывы чёрной застывшей лавы образуют необыкновенной красоты пейзаж, а вместе с буйной зеленью субтропиков и тёмно-синим морем – это нечто вообще неопишное. А я – о чуде, но другом предпочитаю рассказать. О чуде тоже чисто зрительном. В роскошном нашем гостиничном номере сортир (я слово «совмещённый» ностальгически упомяну) был совершенно выдающимся. Не только по размерам и наличию всего, что нужно заходящему туда, но главное – по некоей дизайнерской задумке. Слева и напротив унитаза обе стены были огромными зеркалами. А теперь прошу себе представить: вы привычно усаживаетесь на этот фаянсовый трон, видите своё отражение слева, видите его напротив, после чего (и тут я вздрогнул) обнаруживаете ещё одного участника: четвёртый вы сидит в углу, где зеркала сходятся. Такова игра загадочных зеркальных отражений. Если к этому добавить, что я как раз читал в это время книгу Дины Рубиной о циркачке, играющей зеркалами, то поймёте, вероятно, и богатство моих разнообразных ощущений.

Но к новым русским непременно стоит возвратиться. Минула эпоха красных и малиновых пиджаков, почти исчезли золотые цепи, все облеклись в культурные одежды, многие во власть подались – внешне их уже не отличить. Но только человек внутри меняется (если меняется) куда неспешней. И потому порой можно услышать редкостные истории. Мне повезло. Меня в Москве позвали как-то на передачу под названием «Апокриф». Я не

пошёл бы, суеты в Москве хватает, жалко времени, только тему мне назвали – отказаться я не смог. Собрались говорить о библиотеках – тема необъятная, но как-то я сообразил, что без меня никто не вспомнит о держателях подпольных, самиздатских библиотек. И я для этого пошёл и всё любовно изложил (я лично знал таких подпольщиков, из коих часть и в лагерь угодила), успел заметить, как это уже неинтересно даже тем интеллигентам, что на передачу прибрели, но тут же был вознаграждён благоуханнейшим рассказом директорши Библиотеки иностранной литературы.

На территории библиотеки этой стоит небольшой бюст Генриха Гейне – подарок из Германии туманной. И однажды получила директорша письмо от одного заметного хозяина российской жизни. Он писал, что хотел бы прикупить небольшой кусок земли в библиотечном садике, чтобы его семья могла быть похоронена возле могилы знаменитого немецкого поэта Гейне. И хотя, получив такое письмо, дружно посмеялись все сотрудники, олигарху вежливо и серьёзно отписали, что это, дескать, не могила, просто бюст, и не хоронят никого на территории библиотеки. Письмо отправили и думали, что всё закончилось на этом. Только вскоре получили новое послание. Возможно, его плохо поняли, писал хозяин жизни, он заплатит, разве деньги не нужны библиотеке?

Я, эту историю услышав, даже не смеялся, а оцепенел. Такое изумительно дремучее сознание явилось мне из этой переписки, что никакие бы научные статьи его не объяснили, словно постоял я на психологических раскопках только что канувшей эпохи.

Я вообще всегда радуюсь, когда какие-то случайные слова (а то и письменные тексты) позволяют заглянуть внезапно в глубину, которая обычно скрыта в человеке. Например, мне рассказали, как пришли однажды к Ельцину (он тогда ещё в Свердловске был царём партийным) городские фанаты туризма. Эти неуёмные путешественники по родному краю и необъятным просторам Родины что-то Ельцину хотели разъяснить насчёт психологической, патриотической, экономической и всяких прочих польз туризма, чтобы он там что-то разрешил, одобрил и помог. Среди них были учёные, врачи, инженеры – совершенно бескорыстные люди, сколотившиеся в группу по признаку активности и фанатизма. Говорили они пылко, убедительно и лаконично. Ельцин выслушал их восклицания и аргументы и задумчиво сказал:

– Это, видно, и впрямь дело хорошее, если вокруг него крутится столько евреев.

А ещё бывают тексты, за категоричностью и краткостью которых видно, как отлично знают авторы повадку и замашки будущих читателей этого текста. Помню, как восторженно и умилённо стоял я в Умани у огромного объявления при подходе к могиле великого еврейского мудреца и праведника рабби Нахмана. Туда ведь ежегодно приезжают десятки тысяч паломников, и превращена эта могила в гигантское коммерческое предприятие, и кладбище вокруг неё (он завещал себя похоронить среди народа) почти затоптано этими толпами, но я – всего лишь о прекрасном объявлении. Это святое место, предупреждало объявление паломника, поэтому:

- «1. Запрещено вести какие-либо торговые или деловые операции на кладбище.
2. Запрещено спать на территории кладбища.
3. Запрещено устраивать трапезы на территории кладбища.
4. Женщины обязаны разговаривать и молиться тихо и с соблюдением правил скромности».

Я дальше списывать не стал, ибо от смеха скис, воочию себе представив, что здесь творилось бы, не будь такого строгого предупреждения.

Однако же пора заканчивать главу. Мечта моя о новом дневнике начинает сбываться. Потом я столько чуши напишу, что вся мечта естественно скукожится, исполнившись, и снова станет грустно на душе. А чтоб не стало грустно сразу, я припомню некую свою мечту, которая сбылась, ничуть не повредившись в очертаниях.

Мы с Сашей Окунем затеяли на телевидении (только-только основался тогда этот русскоязычный канал) программу под названием «На троих». Нам оборудовали даже студию: висели копии Сашиних работ, а посреди стоял большой круглый стол (им послужила огромная катушка, на которую наматывают кабель). Третьим был у нас какой-нибудь интересный собеседник – их было с лихвой, мы сами подбирали посетителей. Этот третий приносил на передачу выпивку с закуской, так было условлено, и он ещё обязан был нам рассказать, почему принёс именно это, а не что-нибудь другое. Мы разливали на троих (чисто российская забава) и беседовали на различнейшие темы. Много передач получились удачными. Нам довольно трудно приходилось, ибо в день, когда предоставляли студию, порой три передачи подряд мы писали, а ведь пили мы не понарошку, и на третьей записи уже держать себя в руках было непросто. Только нам всё это очень нравилось. И так мы проработали чуть больше года, сделав тридцать девять (или сорок?) передач. Зрителей у нас было много, и немало разных замечательных гостей. Надо сказать, что главный режиссёр канала (и его организатор) нас не просто пригласил, но принял в нас горячее участие, мы провели немало времени, различные детали обсуждая. Но, похоже, оказался он из тех людей, которые разительно меняются, работая в начальниках. И год или чуть более спустя решил он, уж не знаю, сам ли, что у передачи нашей мало зрителей (как говорится – невысокий рейтинг). Как тут поступить? Да очень просто – пригласить соавторов к себе в кабинет, сказать: «Ребята, вы не потянули, извините и спасибо» – и пошли бы мы, солнцем палимы, без малейшей, никакой обиды. Только что-то в нём уже необратимое, начальственное что-то произошло. И нам некий посланник, общий наш приятель, сообщил от начальственного имени главного редактора Лёни, что передача закрывается. И ни приветов, ни спасибо сказано нам не было. И от этого мы некую обиду ощутили, мы-то знали по звонкам и разговорам, как нас слушают. И появилась у меня одна мечта, но сразу я её не назову.

У Саши много времени очистилось на живопись, я сел за новую книжку, мы не тосковали и в нужду не впали. Только наблюдали, усмехаясь, как все наши передачи повторили раза три (а как же рейтинг?), а потом ещё и продали в Америку и Австралию. Я стал подумывать, что сбудется моя мечта. И через какое-то время (как оно мелькает быстро!) явился к Саше в мастерскую тот же самый гонец-посланник и передал нам Лёнино приглашение немедленно изготовить ещё тридцать передач. Сбылась моя мечта, подумал я с восторгом, целиком и полностью сбылась в своём первоначальном виде. Мы с Сашей даже не переглянулись, и я мягко, вежливо сказал:

– Передайте Лёне, что его послали на хуй.

Глава славословия

В недавней своей книжке «Вечерний звон» я целую главу пустил под оды, дифирамбы и панегирики друзьям, которых поздравлял на юбилеях. Там же я писал об удовольствии от этих сочинений: пьяное застолье с таким восторгом принимает любой рифмованный текст, что чувствуешь себя творцом шедевра. Но какие-то из этих поздравлений не особо стыдно видеть и потом, поэтому я часть такого славословия друзьям решил и в новой книге напечатать. Мне очень приятно это делать, потому что все герои – люди штучные, и я не только ум их и способности в виду имею, но и человеческие качества. Таких сейчас рождают редко, говорила моя бабушка, желая похвалить кого-нибудь. И я с ней полностью согласен.

А начну я – с Сандрика Каминского. Подружились мы в Москве давным-давно, а ныне уже двадцать почти лет живём в одном доме. Это большое удовольствие – выпить вечером с соседом безо всякого особенного повода. Но об одной его черте – железной дружеской надёжности – хоть я в стихе и написал, но следует о ней сказать особо. На примере одного всего лишь факта. Когда меня уже осудили и пошёл я в лагерь по этапу, Тата услышала от кого-то, что в пересыльных тюрьмах можно получить свидание. А из тюрьмы в Волоколамске, куда Сандрик её привёз, я уже отбыл. «Поехали искать», – спокойно сказал Сандрик, и они отправились во Ржев. В России расстояния не маленькие. Но куда важнее другое: на дворе – восьмидесятый год. Карается любое соучастие в жизни людей, властями осуждённых, – множество уже известно случаев такого подлого воздаяния. А Каминский – кандидат наук, доцент в столичном институте. Но, ни секунды не колеблясь, он повёз жену преступника по пересыльным тюрьмам. А всё прочее об этом моём друге – в оде на его семидесятилетие:

Когда-то Сандрик был доцентом,
он юных дурней обучал,
и в том, что мыслит он с акцентом,
его никто не уличал.

С тех пор, как вылез из пелёнок
и сразу стал на баб глядеть,
мечтали сотни сандрильонок
таким Сандрилой завладеть.

Но посреди любовной хляби
Сандрила видел свой билет:
пристал в метро однажды к бабе
и с нею счастлив много лет.

Ещё добавлю между строчек:
блюдя супружеский обет,
зачал он двух отличных дочек
и нынче стал безумный дед.

Владея даром вмиг понять,
где что прогнулось и помялось,
умел Сандрила починять
и то, что даже не ломалось.

Весьма надёжный друг Сандрила:
на виражах судьбы злодейской
он – как железные перила
на скользкой лестнице житейской.

Ему светили все дороги,
но был неслышный Божий глас,
и вдруг Сандрила сделал ноги
и оказался среди нас.

Хотя не ходит в синагогу,
но с Богом он интимно дружит:
Сандрила тем и служит Богу,
что вообще нигде не служит.

И не стремится никуда,
одной идеей крепко связан:
«Господь позвал меня сюда —
Он и кормить меня обязан».

Бог понял мысли глубину
и принял это испытание:
Он через Любочку-жену
послал Сандриле пропитание.

А Сандрик вызвал счастья стон,
поплывший как-то над державой,
когда собрал машину он
из ничего и гайки ржавой.

Одну черту его не скрою,
и знает каждый, кто знаком:
он мудр настолько, что порою
глядится полным мудаком.

Кто прибегал к его советам —
их у Сандрилы полон рот, —
прекрасно знают, что при этом
всё обстоит наоборот.

Вкуси от мудрости, приятель,
однако сам не будь лопух,
так через Сандрика Создатель
в нас развивает ум и дух.

Любых поступков одобритель,
ума немыслимый запас,
Сандрила – наш путеводитель,

а также атлас и компас.

И, не бросая слов на ветер,
сегодня мне сказать пора,
что не случайно так он светел:
он тайный праведник. Ура!

А начало дружбы с Ициком Авербухом вспоминается легко: двадцать два года назад он встречал нашу семью в Вене, он тогда работал в Сохноте. Я запомнил эту встречу навсегда. Мы стояли тесно сбившейся, усталой и слегка растерянной группой: только что удалась большая толпа наших самолётных попутчиков – они летели в Америку. К нам подошёл невысокий быстроглазый человек, приветливо сказал, чтоб мы не волновались, всё будет прекрасно, он сейчас вернётся и всё время будет с нами. После чего, обратившись ко мне, как будто мы давно знакомы, коротко сказал: «Губерман, пойдёмте со мной!» И я за ним пошёл, слегка недоумевая, откуда он меня знает. Попетляв по коридорам (он быстро шёл впереди), мы нырнули в какую-то дверь, и я впервые в жизни оказался в западном баре. Глаза мои тут же растеклись по сказочному обилию выпивки, а когда я обернулся, в руке у меня возник большой бокал коньяка. «Наш общий друг художник Окунь попросил вас встретить именно таким образом», – объяснил мне Ицик Авербух. И у меня непроизвольно брызнули слёзы. А после Ицик стал работать в Джойнте, занимаясь делом удивительным: он распределяет американскую гуманитарную помощь бедствующим еврейским семьям на территории России, Украины, Грузии и каких-то ещё бывших республик. Я ему к пятидесятилетию написал как-то стишок, откуда пару строф и позаимствую для начала:

В Одессе брюки некогда надев,
ты попусту не лез в борьбу с режимом,
но щедро наделял ты юных дев
своим ветхозаветным содержимым...

Друзьям ты и поддержка, и опора
по жизни скоротечной и шальной,
любая, где ты трудишься, контора
становится притоном и пивной...

А на шестидесятилетний юбилей (как же молод он, мерзавец!) я о нём написал гораздо подробней:

Я помню, как, исход верша,
в душевно-умственном провале,
достичь земли своей спеша,
мы в Вене грустно застревали.

И тут, как древний Одиссей,
вселяя в сердце светлый дух,
евреям, словно Моисей,
являлся Ицик Авербух.

А сам он жил без капли жалобы,
легко, как будто занят танцами,

его энергии достало бы
на две больших электростанции.

Себе красотку из Йемена
он в жёны взял, служа примером,
что два еврейские колена
соединить возможно хером.

А убежав от суеты,
в часы, когда повсюду спали,
трёх деток редкой красоты
он настругал на радость Тали.

С охотой он и ест, и пьёт,
всех веселит, судьбу не хает,
и так при случае поёт,
что Пугачёва отдыхает.

Весь век живя среди людей,
он не застыл, хотя начальник,
и много всяческих идей
он дарит нам, кипя, как чайник.

Со всеми он живёт в ладу,
ему забавна глупость наша,
он даже хвалит ту бурду,
что густо варит Окунь Саша.

Ценя его за ум и сметку,
я очень с Ициком дружу,
и с ним бы я пошёл в разведку,
но, слава Богу, не хожу.

Ему сегодня шестьдесят,
но только что ему с того,
и ни минуты не висят
без дела органы его.

Сияет свет на наших лицах,
пойдём – куда ни позови.
Мы очень рады, милый Ицик,
что современники твои.

А о любимой дочке Тане я люблю рассказывать одну чисто пророческую историю. Ей было шесть лет, когда я её повёз куда-то. Исполнилось как раз полвека с образования Советского Союза – всюду флаги трепыхались, и какие-то из громкоговорителей плескались песнопения и бравурные речи. Стоя возле меня в битком набитом автобусе, малютка Таня сказала исторические слова:

– Лучше ехать на такси, чем со многими народами.

Сами народы это осознали только двадцать лет спустя.

А вскоре (как же время-то летит!) явились к Тане мы на юбилей. И я прочёл ей оду на сорокалетие:

Порядок пьянства не наруша,
хотел бы я сказать сейчас:
спасибо, милая Танюша,
что родилась в семье у нас.

Вполне с душой твоею тонкой
(да и с повадкой заодно)
могла родиться ты японкой —
ходила б, дура, в кимоно.

Весьма подвижная девица,
лицом румяна и бела,
могла француженкой родиться —
какой бы блядью ты была!

В тебе есть нечто и славянское,
российской кротости пример:
налит коньяк или шампанское —
тебе один по сути хер.

Хоть на сердечные дела
бывала ты порой в обиде,
но чудных дочек родила,
а это — счастье в чистом виде.

Являя чудо доброты
на поле родственном тернистом,
совсем не била брата ты,
и вырос он авантюристом.

Твоё презрение к наукам,
семье известное давно,
ты передашь, конечно, внукам,
у дочек есть уже оно.

Твоё душевное тепло
всегда уют нам щедро дарит:
куда бы время ни текло,
а рядом Таня кашу варит.

Ты легкомысленна в папашу,
а в мать — по-женски ты умна;
прими любовь, Танюша, нашу,
и что налито — пей до дна!

А Боря Шильман тоже возмутительно молод: только что исполнилось шестьдесят. У Бори профессия загадочная – он хиропракт. У него своя клиника, и к нему густым потоком текут страждущие. Он не расспрашивает пациента о его болезнях и недомоганиях, он кладёт его на живот, гуляет пальцами по позвоночнику и сам говорит удивлённому больному, что именно того беспокоит. После чего он что-то гладит, разминает, порой встряхивает пациентов, невзирая на их жалобные стоны, и за несколько сеансов (а порой – всего за один) достигает чуда облегчения. И сам я был свидетелем таких чудес. И всё это – игрой на позвоночнике. Поэтому и славословие ему на юбилей я назвал —

Ода спинному хребту

Всех наших бед и радостей источник,
всех органов лихой руководитель —
таинственный и сложный позвоночник,
спинного мозга верный охранитель.

Он правит нашей хваткой деловой
и мудростью, прославленной в веках,
мы думаем отнюдь не головой,
а мозгом, затаённым в позвонках.

И знали уже древние народы:
какие ни случатся воспаления,
все боли наши, хвори и невзгоды
зависят от спинного управления.

И если человек – подлец и склочник
и пакости творить ему с руки —
виновен в этом тоже позвоночник,
шестой и двадцать третий позвонки.

И скрягу если мучают запоры,
он тужится, не спит и одинок,
здесь только об одном возможны споры —
какой затронут порчей позвонок.

Мужчина средних лет в любой момент
готов улечься с женщиной, ликуя,
а если бедолага импотент —
ослабли позвонки в районе хуя.

А пятый позвонок – совсем особый,
загадка его тайною покрыта,
рождает он порывы тёмной злобы
у тёмного душой антисемита.

Один лишь позвоночник виноват,
что бьёт жену подвыпивший мужчина,

и даже если кто мудаковат —
сокрыта в позвонках тому причина.

Но что бы ни случилось с людьми,
какие хвори тело ни гнетут,
убогими и хмурыми калеками
они к Борису Шильману идут.

От Бори выходя, они смеются,
уху едят на травке у реки,
и так, не зная удержу, ебутся,
что видно, как окрепли позвонки.

Хребту спинному оду посвящая,
сказать хочу я с искренним волнением:
живи, Борис, и дальше, восхищая
весь мир своим целительным умением!

А про Витю Браиловского и его жену Иру я уже писал неоднократно. Дружба наша скреплена тюремным испытанием, хотя в местах сидели мы разных: Витя – в тюрьме столичной, в Бутырской, а я – в Загорске и Волоколамске. «Видишь, – сказал мне как-то Витя снисходительно, – тебя в Москве даже сидеть не пустили!» Так что и стихи я им пишу, сдобренные по возможности любимыми словами из уголовной фени. Подруга вора, например, – маруха, у Вити это слово очень нежно и ласкательно звучит, когда мы говорим об Ире. По этому пути пошёл, естественно, и я, когда случился Ирин юбилей:

Мужика к высотам духа
кто весь век ведёт?
Маруха.

Если в горле стало сухо,
кто стакан нальёт?
Маруха.

Твёрже стали, мягче пуха
в нашей жизни кто?
Маруха.

Если всё темно и глухо,
кто утешит нас?
Маруха.

Если вдруг повалит пруха,
кто разделит фарт?
Маруха.

Кто назойливо, как муха,
мысли нам жужжит?
Маруха.

Кто, хотя у мужа брюхо,
ценит мужа в нём?
Маруха.

А Вите на его семидесятилетие я описал весь его жизненный путь:

Я Витю знаю хорошо,
хочу воспеть его харизму.
Он очень долгий путь прошёл
от онанизма к сионизму.

С медалью Витя школу кончил,
ему ученье не обрыдло,
и стал он грызть науки пончик,
стремясь добраться до повидла.

Плетя узор цифирной пряжи,
он тихо жил в подлунном мире,
и по рассеянности даже
зачал детей подруге Ире.

Без героизма и злодейства
свой срок по жизни он мотал,
но вдруг высокий дух еврейства
в его крови заклокотал.

И стал он пламенный борец
за право выезда евреям,
его обрезанный конец,
подобно флагу, всюду реял.

В железном занавесе дырку
хотел пробить он головой,
из-за чего попал в Бутырку,
но вышел целый и живой.

И одолел судьбу еврей,
на землю предков он вернулся,
о камни родины своей
довольно крепко наебнулся.

Но, не привыкши унывать,
изжил он горечь на корню
и вскоре стал преподавать
студентам разную херню.

Ещё он очень музыкален
и тягой к выпивке духовен,

и где б ни жил, из окон спален
текли Шопен или Бетховен.

Но надоела скоро Вите
учёной линии тесьма,
и Витя круто стал политик,
поскольку был мудёр весьма.

И тут освоился так быстро
(он опыт зэка не забыл),
что даже занял пост министра
и полчаса министром был.

С утра он важно едет в кнессет,
престижной славы пьёт вино
и с обстоятельностью месит
большой политики гавно.

Зачем писал я эту оду?
Чтобы слова сказать любовные,
что в масть еврейскому народу
такие типы уголовные.

Тут непременно надо сделать интересную добавку. Витя действительно был министром науки всего три-четыре дня, а после что-то поменялось в их правительственных играх, и Витя стал заместителем министра внутренних дел. Я даже как-то навещал его по месту службы: когда ещё доведётся посидеть в кабинете заместителя министра, да ещё внутренних дел? Я только очень был разочарован: клетушка и клетушка, да к тому же – плохо сделанный ремонт. Но дело не в этом. Витя решил, что столь недолгое пребывание в министрах – может быть, рекорд всемирный, и послал запрос об этом в комитет (так ли он называется?) Гиннеса по рекордам. Оттуда ему вскоре вежливо ответили: уж извините, это не рекорд, известны люди, пробывшие в должности министров четверть часа, после чего их расстреляли. Так что Витя дёшево отделался.

А Яше Блюмину писал я восхваление – к восьмидесятилетию. Он и сегодня хоть куда, дай Бог ему здоровья и удачи. О его таланте творческом я написал в стихе, а вот о доброте его необычайной надо бы сказать особо. Он к себе в свою столярную мастерскую брал, чтобы помочь им прокормиться, таких проходимцев, что потом его печальные истории мы слушали, не зная, смеяться или плакать. Но главное о нём – в торжественной оде:

Безумной силой Геркулеса
природа Яшу наградила;
пока он юный был повеса,
вся сила в еблю уходила.

Он был художник по призванию
и был в искусстве эрудит.
Когда б не тяга к рисованию,
то стал бы питерский бандит.

Но тут любовь накрыла Якова,
навек став его судьбой;
Алёна вышла б не за всякого,
но Яша всех затмил собой.

Он отродясь не жёг табак
и не макал перо,
любил друзей, любил собак
и выпить мог ведро.

Игрушки резал он недурно,
сам Ростропович, как дитя,
так восторгался ими бурно,
что умер сорок лет спустя.

Плюя на прелести карьеры,
он душу дерева постиг
и начал делать интерьеры,
в чём высоты большой достиг.

И в мастера наш Яша вышел,
огнём таланта был палим,
но голос предков он слышал
и съехал в Иерусалим.

Не высох в жаркой он пустыне,
завидный ждал его успех —
шкафы для письменной святыни
стал делать он искусней всех.

Умело пряча ум и чувства,
но мысля очень глубоко,
принёс в еврейское искусство
он выебоны рококо.

А также всякое барокко
он поднял тут на высоту,
и без единого упрёка
глядит еврей на красоту.

Не знал еврей в краю убогом
шкафов красивей и прочней,
и Божий дух по синагогам
стал веять гуще и сочней.

Являет Яша гордость нашу,
в нём доброты и вкуса много,
и Бог любит на Яшу,

а Яша стружкой славит Бога.

Вот пока и всё. Но близятся другие юбилеи и, Бог даст, ещё я славословий накропаю. Ведь кого, как не друзей и близких, нам положено в короткой этой жизни восхвалять?

Сентиментальное путешествие

Да конечно же, я знаю, что такое название уже было, даже читал я некогда этот прекрасный роман, только никак иначе не назвать мне мелкие заметки о коротких гастролях по нескольким российским городам. Я с самого начала вдруг почувствовал, что будет хорошо и интересно. По дороге во Владимир проезжали мы известный ныне (даже знаменитый) город Петушки, а у меня с собой было, и я усердно помянул Веничку Ерофеева. К моменту, когда мы достигли дорожного знака о выезде из города Петушки, во мне воссияло прочное ощущение, что дальше будет всё прекрасно. И я спокойно заснул, чтобы прибыть на концерт как стёклышко.

Ещё надо добавить, что в поездке этой я довольно много думал, а так как это нечастое состояние моего организма, то оно мне и запомнилось поэтому.

Лет пять назад по этой же дороге ехал я в один некрупный город (умолчу его название), где после выступления повстречался с забавным человеком. В гримёрную ко мне народ набился, все неторопливо выпивали, а когда зашёл рослый молодой парень с шикарной девицей, то пространство около меня мгновенно как-то опустело, многие даже ушли из комнаты, мы с этой парой оказались сами по себе. Красивый молодой человек сказал мне всякие слова и даже предложил мои стихи мне почитать как доказательство приязни, и роскошный протянул подарок: нарды явно лагерной работы. С отменно вырезанным волком на лицевой стороне, с искусно выжженным орнаментом снаружи и внутри. Такие лагерные поделки (выкидные ножи, браслеты из цветной пластмассы, шахматы) под общим названием «масти» я знал ещё по лагерю, где сидел, и несколько таких сувениров подарил когда-то музею общества «Мемориал». С великой, надо признаться, жалостью, ибо на зоне занимаются этим ремеслом очень способные ээки.

– Откуда у тебя такая масть? – благодарно спросил я парня.

– А я смотрящий по нашей области, – просто ответил он.

Я ошалело вынул сигарету. Парень чиркнул золочёной зажигалкой. Смотрящий – это хранитель огромных денег, так называемого общака, воровского банка, куда исправно сдаёт взносы весь уголовный мир для поддержки («подогрева») своих коллег в лагерях. Смотрящий – очень важная, доверенная и авторитетная должность, солидные и уважаемые всеми воры избираются на это место коллективным сходом. А тут – мальчишка.

– Слушай, ты ж ещё ни разу не сидел? – невежливо и ошарашенно спросил я. И угадал.

– Ни разу, – ответил он. – Я положенец.

Мне почему-то запомнилось, что он себя назвал назначенцем, но потом мне объяснили, что положенец – правильное название. Я задавал ему какие-то несурзные вопросы, он спокойно и с большим достоинством мне отвечал. Я всё никак не мог смириться с тем, что воровской подпольной кассой управляет юный парень из чужого, презируемого ворами мира. По дороге к машине (его всё-таки задело моё недоверие) он говорил мне, как часто его били в милиции – выуживая, вероятно, какие-то сведения, – и что он не один такой на Руси.

Нарды эти я храню и никуда дарить не собираюсь – очень уж красива лагерная масть, а мысли навевает она – странные. О том, как дико и причудливо сросся уголовный, заведомо подпольный мир с обыденным, благопристойным и легальным, если воры открыто и спокойно берут себе в менеджеры людей из этого дневного мира. И вновь, как уже много лет назад, подумал я о радиации лагерного духа, пропитавшего насквозь Россию и растлившего её на много поколений вперёд. И от сумбурных и угрюмых этих мыслей я в тот раз не выпил, проезжая Петушки.

Записок во Владимире так было много, что на часть из них я не ответил. А вернувшись в Москву, эту пачку я случайно смешал с теми, что мне прислали зрители, когда ездил я

по Украине. И поэтому из двух, которые хочу здесь напечатать, в географии только одной вполне уверен:

«Как Вы думаете, Украине легче будет выходить из кризиса, если она примет иудаизм?»

Вторая всё-таки скорее из Владимира:

«Сам свидетель. Дубна. Застолье – физики, врачи, инженеры.

– А теперь Леночка прочтёт стишок (это хозяйка говорит).

На табурет ставят четырехлетнюю Леночку в бантах.

– Про что стишок?

– Про зайку.

– Ну давай.

Леночка – своим звонким ангельским голоском:

Вышел зайка на крыльцо
почесать себе яйцо.
Сунул руку – нет яйца.
Так и ёбнулся с крыльца».

А в городе Перми провёл я дня четыре – удружило расписание гастролей. Я бродил по улицам, в музеях побывал и посидел в библиотеке, полистывая книги о городе. Из них, конечно, самая интересная – труд местного профессора Абашева «Пермь как текст». Идея, очевидная уже в названии, пришлась мне очень по душе. Хотя, конечно, тут куда точнее ложится слово «палимпсест», что означает, как известно, рукопись, где прежний текст (и не один) размыт или соскоблен. Но слово очень редкое и чуть научное, оно бы только отпугнуло множество читателей. А было б это точно и почти буквально: вот, например, на бывшем архиерейском кладбище, где издавна хоронили виднейших горожан, теперь устроен зоопарк, и нынешние пермяки-посетители коллективно топчутся на могилах своих предков – истинно советская коллизия.

А на когдатошней окраине Перми, где начинался некогда Сибирский тракт (и лучшие из россиян тут проходили или проезжали к месту наказания), почти сохранным здание тюремного привала арестантов. И тюрьма была тут – аж до сорок пятого года. Эти стены, хоть и перестроены неоднократно, многое могли бы рассказать, но стены молчаливы, а сегодняшнему люду очень мало интересны страшные недавние истории. После войны чекисты этот дом пустили под свой клуб. На первом и втором этаже всё перестроили под их культурный отдых, а подвал таким же и оставили: убого мрачный длинный коридор и крытые железом двери в камеры. Глазок для надзирателя на каждой двери и маленький прямоугольник кормушки. А нары сняты были, яму крохотного подземного карцера (трудно и представить себе смертный холод в этой тесной яме) досками покрыли и залили цементом. А впрочем, ведь в подвал никто не опускался, наверху в тепле они гуляли. Я пишу не понаслышке, двери я ещё застал. Поскольку десять лет спустя чекисты подобрали себе здание поавантажней и побольше, а сюда вселили – вот ирония судьбы и смена текста – кукольный театр. Впрочем, ведь и сами чекисты были такими марионетками в сталинских играх и спектаклях, что, пожалуй, смена жанра не такая уж резкая приключилась. А в театре этом, очень в городе любимом, с неких пор стал художественным руководителем поразительного таланта режиссёр Игорь Тернавский, мой давний приятель. Он театр этот до неузнаваемости перестроил (красота внутри такая – радуется сердце), а совсем недавно заменил и двери, поскольку в подвале расположились театральные мастерские, и людям ни к чему такая память. Я же по тому тюремному коридору мимо тех дверей успел походить, и у меня так было сладостно и смутно на душе от личных оживившихся воспоминаний, что я Игоря совсем не одобряю.

Кажется, и он жалеет тоже: памятники надо сохранять, подвал тот для экскурсий был бесценен – подлинно российский палимпсест. Игоря часто спрашивают, не опасается ли он, что зловещая аура этого жуткого здания влияет как-то на атмосферу в театре. Нет, отвечает он уверенно, детский смех и детская радость смыывают начисто любую ауру. Услышав это, я подумал: не потому ли российское телевидение своими передачами так усиленно старается вызвать у вполне взрослых зрителей именно детский смех и детскую радость?

Пермь – единственный в мире город, чьё имя носит целый геологический период в жизни нашей планеты. В середине девятнадцатого века тут побывал известный в то время английский геолог Родерик Мурчисон. Исследуя этот край (и двадцать тысяч километров по нему нагуляв), он обнаружил мощные отложения красноцветных глин, песчаника и чего-то ещё – приметы некоего геологического периода, который не был до него учёными описан. Он назвал этот период пермским. И добавлю ради красного словца, чтобы нечаянно блеснуть осведомлённостью, что это был конец палеозоя – приблизительно двести пятьдесят миллионов лет назад. Здесь поднимались горы, отесняя море, море высыхало, и отсюда здесь неизмеримые запасы соли под землёй. Уже цвела повсюду жизнь, гуляли меж хвощей и папоротников древние ящеры гигантских размеров и невероятных наружностей, а климат был почти тропический. Найденные тут во множестве кости этих ящеров, а также многие виды окаменевших растений и насекомых (в частности – огромных тараканов) по сю пору радуют учёных изобилием. Одну прекрасно слепленную фразу явного пермяка-патриота я даже выписал из просмотренной книги: «А в областях с более холодным климатом тараканы редки, малоразнообразны и имеют мелкие размеры». Забавно было повторять эти надменные слова, топоча по снегу и трясясь от ветра по дороге из библиотеки в гостиницу.

И было ощущение все эти дни нечаянного отдыха, что я бездельничаю праведно и занят тем, чем должен заниматься. Как тот безвестный симпатичный работяга, написавший, объясняя свой прогул: «Я вчера не вышел на работу, потому что думал, что вышел».

А ещё в этих краях издавна выплавляли медь (отчего и назначено было стать городом этому пустынному месту возле старого медеплавильного завода: царица Екатерина просто ткнула сюда пальцем). Древние мастера (середина первого тысячелетия до новой эры) умели отливать из меди плоские изображения разных зверей и птиц, людей (порою всадников) и неопознаваемых животных. Это старинное литьё – художества поразительного, недаром Строгановы его стали собирать (и ныне почти вся эта коллекция хранится в Эрмитаже), а названо оно – по имени опять же города – «пермский звериный стиль».

Нет, не иначе как какой-то Божий свет сиял над этими местами в разные столетия и годы: я теперь о деревянной скульптуре восемнадцатого века хоть бы мельком, но хочу упомянуть. О «пермских богах». Уже, наверно, раз шестой сюда я приезжал и снова с немым обалдением смотрел на это совершенство резанных по дереву фигур. Я вообще люблю резьбу по дереву и в разных городах Европы с наслаждением торчу в музеях возле раскрашенных фигур разных святых. Жаргонные слова об удовольствии – «тащусь я от этого» – наиболее точно передают мои ощущения. Так вот от пермских я тащусь сильнее, чем от других. Скуластые, немного плоские их лица (а порой и чуть раскосые глаза – ведь местные изображались люди), их позы, жесты – выразительны настолько, что словами ничего не передашь, каким ни будь искусствоведом. У меня же лично сокровенный способ есть, чтобы выразить очарование и чувства выплеснуть: я, по возможности, негромко пару нецензурных слов произношу. И мне легче.

Здесь когда-то жил загадочно исчезнувший народ («звериный стиль» они как раз затаили) – чужд, это предки нескольких народностей сегодняшних. О них есть миф, что при крещении языческого местного населения они ушли под землю, чтобы остаться в прежней вере.

Об одном сугубо пермском мифе грех не рассказать. О Башне смерти. Это редкий (очевидно) случай, когда миф (кошмарно впечатляющий) родился и разросся из чьей-то лёгкой

шутки. Прямо в наше время, когда мифы сотворяло разве что правительство страны (про то, как мы отлично все живём и как нам на планете все завидуют). На углу двух улиц высится в Перми десятиэтажный дом (и башенка со шпилем) архитектуры сталинских времён. Это и есть Башня смерти. Миф, известный всему городу, гласит, что некогда на этом месте были пыточные камеры ещё во времена Ивана Грозного (ещё Перми-то не было!), и что останки замученных тут людей скопились под землёй, и что тайные подземные пути отсюда тянутся ужасно далеко, и что даже в стены здания вмурованы тела погибших тут, и много ужасов иных. Но зданию совсем немного лет: его построили в пятьдесят втором году – и с той поры здесь угнездились областное управление Министерства внутренних дел. Конечно, у ребят этих вполне дурная репутация, но почему же корни мифа, столь кошмарного, в седую древность тянутся?

Но проста причина, и забавна, и о силе меткого слова свидетельствует. Когда выстроено было это здание и въехало туда поганое управление, весь город (как и вся страна) смотрел трофейный фильм «Башня смерти» – по пьесе Шекспира «Ричард Третий». И шутник какой-то Башней смерти окрестил действительно зловещий этот дом. Весьма рискуя, кстати (год пятьдесят второй, заметьте, чистая пятьдесят восьмая за такую шутку). Название, естественно, приклеилось. И принялись рождаться мифы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.